

УДК 930.1

А.Д. МЕДВЕДЕВ
(madasein@gmail.com)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ПЕРЕХОД ОТ СОЦИАЛЬНОЙ К КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ О ПРОШЛОМ И ЕГО СПЕЦИФИКА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ*

Анализируется роль основных социальных институтов – государства, общественных организаций, науки и образования – в условиях расстыковки между социальной и культурной памятью и развития новейших технологий памяти.

Ключевые слова: исследования памяти, контрпамять, культурная память, социальная память, социальные институты, технология памяти.

В работе «Коллективная память» М. Хальбвакс устанавливает основополагающие границы для изучения социальной памяти. Будучи «социально конструируемым понятием» [12, с. 22], коллективная память представляет собой понимание обществом своего прошлого, определяет отношения между индивидуумом и обществом, а также позволяет обществу сохранить свое самосознание и передать его через временную дистанцию следующим поколениям. Однако, как поясняет М. Хальбвакс, коллективную память «следует отличать от [особо выделяемой] истории» [8]. Коллективная память, «по существу является реконструкцией [особо выделяемого] прошлого в свете настоящего» [12, с. 34].

Иными словами, интересы и структура настоящего определяют избирательность восприятия истории, а прошлое, соответственно, «формируется заботами настоящего» [Там же, с. 22]. В этом процессе воспоминания индивидуумов де-факто являются манипулятивной конструкцией тех, кто имеет власть и контролирует образы прошлого.

М. Хальбвакс подчеркивает ключевую роль «социальных рамок памяти», где индивиды локализуют, организуют и запоминают памятные события в мнемонических пейзажах [8]. Этот процесс, в свою очередь, укрепляет официально устанавливаемую коллективную память. В последующие десятилетия ученые продвигали идеи М. Хальбвакса различными способами, в частности разъясняя связь между властью, противодействующей силой и (пере)конструированием памяти.

Некоторые исследователи утверждают, что репрезентация коллективной памяти – это совокупность тех эпизодов прошлого, которые были специально выбраны политической элитой с целью обеспечения легитимности власти, воспроизводства статус-кво и консолидации существующей государственности [4, 10, 11].

Другие ученые утверждают, что коллективная память – это процесс, который постоянно разворачивается, присваивается и трансформируется «динамичным и неожиданным образом» [15, с. 221]. Социальные, политические и культурные факторы вовлекаются в дискурс памяти или «политику памяти» [14, с. 959], где различные нарративы конкурируют между собой за место в реконструкции прошлого.

В этом смысле мемориальное воплощение прошлого становится одновременно инструментом и объектом власти, подлежащим оспариванию, присвоению и преобразованию в различные моменты времени. Одна из особенно ярких областей такого рода дискурса памяти исходит из понятия контрпамяти М. Фуко, которое относится к воспоминаниям, идущим вразрез с официальной историей и часто вразрез с историей вообще [13, с. 33–40]. Контрпамять включает себя увековечение памяти – политику мнемонической практики – забытых, подавленных или вытесненных из «активного поля культуры» [6, с. 82] историй. Как правило, это увековечение является способом противостояния угнетению и доминирующим идеологиям.

* Работа выполнена под руководством Ковалева А.В., кандидата исторических наук, доцента кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории и обществоведения ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Как утверждает М. Фуко, власть и господство определяют то, что такое знание и каким оно должно быть, а также его границы; они также дисквалифицируют противоправные формы знания, которые они считают неприемлемыми [7, с. 42]. Следуя аргументации М. Фуко, с одной стороны, механизмы власти и господства контролируют и производят различные виды исторического знания – как «социальные рамки для памяти» [8], – которые направляют, формируют и сдерживают действия людей по увековечению памяти.

Таким образом, «власть и память наиболее тесно связаны с официальной историей, которая играет центральную роль в производстве и воспроизведении истории» [10, с. 50]. С другой стороны, как оппозиционное производство знания контрпамять способствует распространению и консолидации альтернативных доминирующей точке зрения интерпретаций. Следовательно, контестация памяти олицетворяет борьбу между доминирующими и подчиненными силами общества и влияет на производство исторического знания. Этот процесс кристаллизует актуальность мнемонических способностей, или «навыков и ресурсов, необходимых для создания памятных средств» [11, с. 726], формирующих условия, в которых общество узнает о своем прошлом.

Среди многих факторов информационно-коммуникативных технологий в процессе форматирования и реконструкции истории с помощью памятных мероприятий появляются «технологии памяти» [Там же, с. 745].

Учитывая технологические возможности, такие как открытость, общедоступность и интерактивность, социальные сети не только способствуют появлению альтернативных нарративов (объектов подпольной памяти) в противовес официальной версии истории, но и стимулируют тиражирование контр-исторических нарративов.

Данный процесс существенно влияет на производство знаний о прошлом. В случае России в немногих исследованиях отмечается [9, с. 576], что цифровые средства массовой информации, включая виртуальные и интерактивные музеи и систему наружной рекламы, позволяют актерам заниматься (контр)повествованием локализованных историй и личных историй, например, воспоминаний о Великой Отечественной войне.

При рассмотрении интенсивного и экстенсивного роста влияния технологий на актуализацию памяти, т. е. форм производства знаний, необходимо определить непосредственного производителя. Процесс перехода от социальной к культурной памяти о прошлом определяет данного актора.

Историк Х. Вельцер утверждает, что окончательная смена социально активных поколений происходит раз в сорок лет, после чего свидетели и очевидцы выполняют роль посредника между «старым» и «новым» поколением [3]. Таков временный горизонт социальной памяти. Исследователь *memory studies* А. Ассман в труде «Длинная тень прошлого» определяет три измерения памяти: нейронное, социальной и культурное. Согласно классификации А. Ассман, носителем нейронной памяти является организм и мозг человека, средой – социальные рамки памяти, а опорой – мемориальные стратегии и медиальные записи. Социальная память хранится в круге социальной группы, где индивидуумы совместно придаются регулярно обновляемым воспоминаниям, используя символические медиаторы. При переходе от индивидуальной к социальной памяти происходит расширения личного опыта за счет чужого и использование частного с учетом воспоминаний Другого. Носителем культурной памяти являются символические медиаторы, которые передаются между субъектами в социальной коммуникации: мозг индивидуума передает другому существу «культурные объективизации в виде символов, артефактов, медиаторов, практик и институций». Данные элементы обеспечивают долгосрочную самоидентификацию членов социальных групп [2, с. 30–31]. При переходе от социальной к культурной памяти, по выражению историка Ю.А. Сафроновой, на данном этапе место скоординированной памяти отдельных индивидов занимает культурная память [5, с. 98].

Таким образом, специфика современных условий и переход от социальной к культурной памяти о прошлом требует ответственного поддержания исторической преемственности и адекватной актуализации истории со стороны таких социальных институтов как государство, общественные организации,

наука и образование, поскольку от их производства знаний зависит здоровье среды, в которой сосуществуют социальные сообщества.

Поскольку носители культурной памяти, по выражению философа Н.А. Артеменко, «имеют дело уже не с отдельными воспоминаниями, а абстрактными фактами, эмоциональная окраска которых производится уже *post factum*» [1, с. 77], особую сложность для обозначенной деятельности представляет неизбежная формализация мемориальных процессов, содержащая в себе риски вызвать общественное отторжение определенных исторических событий, дат и имен, некогда объединявших большинство членов социума. От социальных институтов как от монополистов культурной памяти, особенно при использовании современных технологий (которые представляют собой лишь альтернативу живой коммуникации), требуется постоянный контроль степени формализации ритуалов, церемоний, экспозиций, исторических форумов и других коллективных мероприятий, призванных актуализировать избранное прошлое.

Для обеспечения нормальных условий жизнедеятельности субъектов в актуальном поле культуры социальным институтам необходимо проявлять соответствующие динамике времени мобильные свойства: используя известные механизмы припоминания и забвения, максимально корректно и продуктивно взаимодействовать с акторами контрпамяти, поскольку те способны, в том числе, отражать живое (горячее) историческое сознание общества.

Литература

1. Артеменко Н.А., Бродский А.И., Капельчук К.А. [и др.] *Время, память, травма: между бытием и небытием // Топология травмы: Индивидуальный травматический опыт и опыт исторических катастроф: коллект. моногр. / под ред. Н.А. Артеменко. СПб.: Реноме, 2020. С. 70–81.*
2. Ассман А. *Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2018.*
3. Вельцер Х. *История, память и современность прошлого // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3 (40-41). С. 28–35.*
4. Нора П. *Эра коммемораций // Франция – память. СПб., 1999. С. 66–148.*
5. Сафронова Ю.А. *Историческая память: введение. СПб: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2020.*
6. Троицкий С.А. *Синтаксис утраты // Топология травмы: Индивидуальный травматический опыт и опыт исторических катастроф: коллективная монография / Н.А. Артеменко, А.И. Бродский, К.А. Капельчук [и др.]; под ред. Н.А. Артеменко. СПб.: Реноме, 2020. С. 82–95.*
7. Фуко М. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Изд-во Ad Marginem, 1999.*
8. Хальбвакс М. *Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3(40-41). С. 8–27.*
9. Эппле Н. *Неудобное прошлое: память о государственных преступлениях в России и других странах. М.: Новое литературное обозрение, 2020.*
10. Alonso A. *The effects of truth: Re-presentations of the past and the imagining of community // Journal of Historical Sociology. 1998. # 1(1). P. 33–57.*
11. Armstrong E.A., Crage S.M. (2006). *Movements and memory: The making of the Stonewall myth // American Sociological Review. 2006. # 71(5). P. 724–751.*
12. Coser L.A. *Maurice Halbwachs on Collective Memory. Chicago: University Chicago Press, 1992.*
13. Foucault M. *Language, counter-memory, practice. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1980.*
14. Jansen R.S. *Resurrection and appropriation: Reputational trajectories, memory work, and the political use of historical figures // American Journal of Sociology. 2007. # 112(4). P. 953–1007.*
15. Steiner L., Zelizer B. *Competing memories // Critical Studies in Mass Communication. 1995. # 12(2). P. 213–239.*

ALEKSEY MEDVEDEV

Volgograd State Socio-Pedagogical University

TRANSFER FROM SOCIAL TO CULTURAL MEMORY ABOUT PAST AND ITS SPECIFICS IN MODERN CONDITIONS

The article deals with the analysis of the role of the basic social institutions – state, non-governmental organizations, science and education – in the conditions of the contradiction between social and cultural memory and development of the newest technologies of memory.

Key words: examination of memory, counter-memory, cultural memory, social memory, social institutions, technology of memory.